

Алексей Митрофанов
Рождественка

Прогулки по старой Москве

Алексей Митрофанов

**Рождественка. Прогулки
по старой Москве**

«Издательские решения»

Митрофанов А.

Рождественка. Прогулки по старой Москве / А. Митрофанов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908583-2

Улица Рождественка — самая провинциальная из всех улиц московского центра. Тем не менее, именно в этом — привлекательность Рождественки. Она не заносчивая, не требовательная, не пафосная. Улица абсолютно соразмерна самому простому обывателю.

ISBN 978-5-44-908583-2

© Митрофанов А.
© Издательские решения

Рождественка Прогулки по старой Москве

Алексей Митрофанов

© Алексей Митрофанов, 2018

ISBN 978-5-4490-8583-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Улица Рождественка, пожалуй, самая провинциальная из всех улиц московского центра. Дома невысокие. Социально значимых объектов – кот наплакал. «Детский мир», гостиница «Савой», архитектурный институт, Рождественский монастырь. Последний, впрочем, под сомнением – чай, не Троицкая лавра.

Тем не менее, именно в этом – привлекательность Рождественки. Она не заносчивая, не требовательная, не пафосная. Она абсолютно соразмерна самому простому обывателю.

И за то – любима.

Повседневные бани

Здание Центральных бань (Театральный проезд, 3) построено в 1893 году по проекту архитектора С. Эйбушитца.

В наши дни по адресу Театральный проезд, №3 – высокое, мощное, во всех отношениях столичное здание. Оно памятно старым москвичам по баням – некогда, в те времена, когда здесь был не Театральный и, к тому же, не проезд – проспект Маркса, проходящий мимо пешеход обычно вздрагивал: так неожиданно в центре Москвы было вдруг уловить запах веника, пара и мыла. Бани носили гордое имя «Центральные» и в негласной борьбе занимали второе, почетное место, после Сандунов, в те времена известных на весь мир.

А в позапрошлом веке тут располагалась не менее известная гостиница Дюссо – одна из престижнейших и, вместе с тем, одна из самых противоречивых в городе.

В частности, здесь в июне 1866 года останавливался Федор Достоевский. Он тут провел всего несколько дней. После чего переехал к сестре в Люблино. Переезд мотивировал так: «Нестерпимая жарница, а пуще всего знойный ветер (самум) с облаками московской белокаменной пыли, накопившейся со времен Ивана Калиты (по крайней мере, судя по ее количеству) заставили меня бежать из Москвы. Работать положительно невозможно».

Впрочем, скорее всего, причина была не столько в пыли и в жаре, сколько в сложном характере Федора Михайловича. Во всяком случае, Лев Николаевич Толстой весьма охотно бывал у Дюссо. Больше того, он поселил сюда, в одну из самых респектабельных гостиниц нашего города, своих героев – Левина, Вронского и Каренина.

Вронский – тот вообще предпочитал эту гостиницу всем мыслимым соблазнам города Москвы: «Он прикинул воображением места, куда он мог бы ехать. „Клуб? партия безика, шампанское с Игнатовым? Нет, не поеду. Chateau de fleurs, там найду Облонского, куплеты, сапан? Нет, надоело... Поеду домой“. Он прошел прямо в свой номер у Дюссо, велел подать себе ужинать и потом, раздевшись, только успел положить голову на подушку, заснул крепким и спокойным, как всегда, сном».

Кстати, эта респектабельность частенько выходила постояльцам боком. Здесь, по демократической западной моде, вывешивали имена посетителей на специальную доску. И место-

положение многих гостей (как, например, Каренина), против их желания, становилось известным всему городу. А московские бездельники забежали к Дюссо просто так – посидеть в буфете, пообщаться с постояльцами и, конечно, посмотреть на доску – не приехал ли знакомец.

Опять же из Толстого:

« – Ну как не грех не прислать сказать! Давно ли? А я вчера был у Дюссо и вижу на доске «Каренин», а мне и в голову не пришло, что это ты! – говорил Степан Аркадьич, всовываясь с головой в окно кареты. – А то я бы зашел. Как я рад тебя видеть! – говорил он, похлопывая ногу об ногу, чтобы отряхнуть с них снег. – Как не грех не дать знать! – повторил он.

– Мне некогда было, я очень занят, – сухо ответил Алексей Александрович».

Может быть, именно из-за этой традиции нервный Достоевский и удрал из прекрасной гостиницы. А может быть, из-за долгов – в центре первопрестольной столицы, да еще с такой страшной доской была высока вероятность встретить кого-нибудь из многочисленных кредиторов. Впрочем, все это – досужие домыслы. Вероятнее всего, писателю и вправду не понравился столь специфический московский климат. И один из современников, А. Милюков косвенно это подтверждал: «В июле он писал мне из села Люблина, куда, по его словам, бежал из гостиницы Дюссо, потому что номер его в жаркие дни „походил на русскую печку, когда начнут в нее сажать хлебы“, и, следовательно, работать там не было никакой возможности».

Тем не менее, в свой следующий приезд в Первопрестольную писатель снова поселился у Дюссо. На этот раз все было, вроде бы, нормально, и его супруга вспоминала: «Каждое утро мы отправлялись осматривать достопримечательности города... Федор Михайлович, москвич по рождению, был отличным чичероне и рассказывал мне много интересного про особенности Первопрестольной».

Видимо, не раздражали Достоевского ни любопытные бездельники, снующие в буфете, ни доска, где было крупно выведено имя знаменитого писателя. Однако же, сама гостиница Дюссо – наглядное напоминание о том, насколько малопредсказуемы те результаты, к которым, вроде бы, четко ведут наши намерения. Завели европейскую модную доску – потеряли часть клиентов, из числа ценителей инкогнито. Сделали модное кафе – опять же часть клиентов как отрезали.

А вообще, в Москве каких гостиниц не наделаи – на любую обязательно найдется свой постоялец, да и не один. Ибо не так уж много в городе гостиниц.

Кстати, именно гостинице «Дюссо» молва приписывала гибель знаменитого «белого генерала» Скобелева. Но действительность была совсем другая. Владимир Гиляровский провел целое расследование:

«Говорили много и, конечно, шепотом, что он отравлен немцами, что будто в ресторане – не помню в каком – ему послала отравленный бокал с шампанским какая-то компания иностранцев, предложившая тост за его здоровье... Наконец, уж совсем шепотом, с оглядкой, мне передавал один либерал, что его отравило правительство, которое боялось, что во время коронации, которая будет через год, вместо Александра III, обязательно объявят царем и коронуют Михаила II, Скобелева, что пропаганда ведется тайно и что войска, боготворящие Скобелева, совершат этот переворот в самый день коронации, что все уж готово. Этот вариант я слышал и потом.

А на самом деле вышло гораздо проще.

Умер он не в своем отделении гостиницы Дюссо, где останавливался, приезжая в Москву, как писали все газеты, а в номерах «Англии». На углу Петровки и Столешникова переулка существовала гостиница «Англия» с номерами на улицу и во двор. Двое ворот вели во двор, одни из Столешникова переулка, а другие с Петровки, рядом с извозчичьим трактиром. Во дворе были флигеля с номерами. Один из них, двухэтажный, сплошь был населен содержанками и девицами легкого поведения, шикарно одевавшимися. Это были, главным образом, иностранки и немки из Риги... И там на дворе от очевидцев я узнал, что рано утром 25 июня

к дворнику прибежала испуганная Ванда и сказала, что у нее в номере скоропостижно умер офицер. Одним из первых вбежал в номер парикмахер И. А. Андреев, задние двери квартиры которого как раз против дверей флигеля. На стуле, перед столом, уставленном винами и фруктами, полулежал без признаков жизни Скобелев. Его сразу узнал Андреев. Ванда молчала, сперва не хотела его называть.

В это время явился пристав Замоийский, сразу всех выгнал и приказал жильцам:

– Сидеть в своем номере и носа в коридор не показывать!

Полиция разогнала народ со двора, явилась карета с завешанными стеклами, и в один момент тело Скобелева было увезено к Дюссо, а в 12 часов дня в комнатах, украшенных цветами и пальмами, высшие московские власти уже присутствовали на панихиде».

Бедная же Ванда после этого события получила прозвище «могила Скобелева».

* * *

Особенно же славилась здешняя кухня. Николай Некрасов посвятил ей и атмосфере, царящей там, не одну строфу:

У Дюссо готовят славно
Юбилейные столы;
Там обедают издавна
Триумфаторы-орлы.
Посмотрите – что за рыба!
Еле внес ее лакей.
Слышно «русское спасибо»
Из отворенных дверей.
Заказав бульон и дичи,
Коридором я брожу;
И так далее, так далее, так далее.

Чайковский же писал к фон Мекк: «Не могу также понять, отчего, будучи так чутки к музыке, Вы можете быть сторонницей Писарева, который доказывал, что любить музыку так же глупо, как любить соленые огурцы, и что Бетховен настолько же велик, насколько велик повар у Дюссо».

Впрочем, не совсем понятно, какой именно ресторан Дюссо имели в виду авторы – ведь заведение с аналогичным названием было и в Санкт-Петербурге. Не исключено, что оба заведения были одного примерно класса.

* * *

Теперь же – про бани.

Костюм может быть выходным и повседневным. Притом первый не обязательно лучше и даже дороже. Просто у них разные задачи. То же самое было и с банями.

Парадными, конечно же, считались Сандуновские. Они располагались на Неглинной – респектабельной, торжественной, престижной улице. Сюда ходили не затем, чтобы попариться или помыться. Визит в Сандуновские был событием и ритуалом – попить квасу, понежиться, легонько покуролесить, людей посмотреть и себя показать. Ну и заодно смыть недельную грязь. Да, иные москвичи ходили в Сандуновские чуть ли не каждый день, но это дело не меняет. Есть же люди, жизнь которых – постоянный праздник.

Повседневными же банями были так называемые «Хлудовские», или же, иначе говоря, «Китайские» (известные в советскую эпоху под названием Центральных). И расположение у них было гораздо менее престижным – в торговом, шумном месте, там, где в древности располагался пушечно-литейный двор («При речке же за Неглинной, протекающей в городе, стоит

и великокняжеская литейня, где льют большие орудия и колокола»). И задачи здесь решались несколько попроще: отдохнуть, помыться – и домой.

Нет, Хлудовские бани (названные так по имени владелиц, четырех наследниц хлудовского капитала) вовсе не были дешевкой для разнорабочих. Приметы роскоши, – всякие фрески, витражи, красное дерево и позолота, – в этих банях наблюдались. Один из современников строительства, некий предприниматель А. Вагурин взахлеб рассказывал своим приятелям-купцам:

– Бани будут чудом! Тратят деньги на постройку их без счету! Во главе стоит Левиссон, совершенно неопытный в стройке человек, позволяющий архитектору перedelывать одну и ту же работу по несколько раз. Оконченную залу, уложенную плитками, приказывает сломать и вновь переделать на другого цвета плитки, после чего опять приходит и ему вновь не нравится, вновь ломают. Архитектор приводит художника-декоратора, который приказывает опять все ломать и вновь укладывать плитками другого цвета и размера. Одну из зал пришлось перedelывать пять раз!

Купцы слушали и кивали головами. Да, капиталы хлудовских наследниц, – Клавдии, Прасковьи, Александры и Любви, – такую роскошь безусловно позволяли.

Воду же качали прямо из Москвы-реки по специальному водопроводу.

Нельзя сказать, чтоб москвичи здесь вовсе не встречались. Только, в отличие от Сандуновских, в некотором роде клубных встреч, они были случайными. Например, книгоиздатель Михаил Сабашников писал в своих воспоминаниях: «Оставив домашнюю ванну в распоряжении Софии Яковлевны и девочек, я забрал Сережу и поспешил в Центральные бани. Мы там сразу натолкнулись на нашего юрисконсульта Алексея Васильевича Шилова. Он страдал от ожирения и, не знаю, по совету ли врача, или по собственному разумению, чуть ли не ежедневно ходил в баню „спускать жир“. Низкого роста, с отвислым брюшком, с громадной лысиной, на которую он зачесывал сбоку жиденькие пряди волос, степенный и обстоятельный. Когда он, надев на свой горбатый нос золотые очки, внимательно, бывало, пробежал своими умными глазами какой-нибудь набросанный мною проект договора, он часто мне казался чрезвычайно характерным типом московского человека, каким-то перешедшим в наш век дьяком какого-нибудь государева приказа. Сейчас, в полном обнажении, с простыней на плечах, он сошел бы, пожалуй, за римского сенатора... Нас окружила банная публика, среди которой я узнавал в костюме Адама знакомых и обменивался приветствиями».

Словом, вполне себе клуб.

К примеру, как-то раз В. И. Танеев (композиторский брат и философ) здесь повстречал Льва Толстого. Он рассказывал об этом историческом свидании своей любимой матушке:

– Ну вот, и я, наконец, увидел вашего Толстого.

– Быть не может! Где?

– В центральных банях.

– Ну и что же?

– Ах, как он безобразен!

В атмосфере Сандунов, всегда приподнятой и в некотором роде пафосной, Лев Николаевич, возможно, не был бы столь омерзителен Владимиру Ивановичу.

Чуть ли не с самого начала в этих банях возникла любопытная традиция: здесь встречались и парились вместе представители разных московских диаспор. В одно время – немцы, в другое – французы, а в третье – британцы. Самыми колоритными были армяне. Они даже при самом невообразимом морозе после парилки танцевали во дворе.

Находилось при банях особенное, детское отделение – с множеством игрушек и особенной, специально обученной банщицей, закрепленной за каждым ребенком. А еще у этих бань был любопытный филиал. Не баня – пляж. Он находился на Хамовнической набережной, куда специально доставляли с Финского залива белый, мельчайший, нежнейший песок. Разумеется,

и прочая инфраструктура была на высоте. В частности, на пляже действовал горячий душ – по тем временам роскошь недостижимая.

* * *

Разумеется, не все в «Хлудовских» банях было безмятежно. В 1893 году в газетах появилось вот такое сообщение: «Вчера, в исходе седьмого часа вечера, в «хваленых», так называемых центральных банях Хлудова, на Китайском проезде, произошел страшный переполох. Дело в том, что в 10-копеечном помещении, находящемся во втором этаже громадного здания, в холодном отделении, под лавкой, на которой моются, произошел взрыв трубы парового отопления; удар был точно из пушки; отделение моментально наполнилось горячим паром; посетители подняли крики о помощи, причем в испуге шайками принялись выбивать окна, из которых в шести окнах были выбиты стекла и открыты рамы; многие нагими начали кидаться в окна; из них одиннадцать человек, падая на мощеный двор, получили сильные ушибы. Всех ушибленных подняли и отвели в те же бани, где им подано было медицинское пособие, но из потерпевших никто в больницу лечь не пожелал, а отправились в экипажах извозчиков по квартирам.

Слух об этом несчастии собрал многочисленную толпу у ворот бань, которые на это время вынуждены были запереть».

Ситуация усугублялась тем, что происшествие пришлось на начало апреля. Соответственно, несчастные помимо многочисленных ушибов вполне могли приобрести разнообразные простудные заболевания.

Но такое все же было редкостью, если не исключением. Чаще всего в тех банях если и случались неприятности, то незначительные. Например, такая: «Г. Пономарев, содержащий бани в доме Хлудова, на углу Неглинного и Театрального проездов, с наступлением летнего времени, ради экономии, начал топить не все номера своих „Китайских“ бань, а только некоторые из них, хотя публика, желающая омыть свои тела, допускается во все номера, как в топленые, так и в холодные».

Но это можно было все же пережить.

* * *

После революции в жизни «Китайских» бань, конечно, наступили перемены, и не самые приятные. Один московский обыватель занес в свой дневник грустную запись: «Был сегодня в Советской бане (бывшей Центральной). За вход 110 р. – это так, но вздумал там попросить остричь на ногах ногти и заплатил за такое буржуазное удовольствие 500 р. Если бы заранее спросил банщика о гонораре, то отложил бы эту операцию до дома, и поделом – не зная брода, не суйся в воду».

Однако роли между Хлудовскими и Сандуновскими распределялись так же, как до 1917 года.

Бани пытались переименовывать. Сначала к ним примерили название «Имени десятилетия Октября». Затем – «Имени Свердлова», «Имени Куйбышева». Намеревались им присвоить имя Жданова – ведь улица Рождественка во времена СССР звалась именно Ждановской. В результате осталось название безликое, но тем не менее почетное – Центральные.

Савойский отель

Здание гостиницы «Савой» (Рождественка, 3) построено в 1912 году по проекту архитектора А. Величкина.

11 февраля 1998 года обитатели «Савойя» были в панике. Еще бы – рядышком горит огромный факел – здание департамента морского флота. Все боялись, что огонь может пере-

броситься и на соседние дома. На крыше фешенебельной гостиницы, словно в войну, дежурили пожарные. Иностранцы спешно собирали чемоданы и переселялись от департамента подальше. Залы окрестных магазинов заволокло едучим дымом. «Снова урну подожгли», – возмущались ничего не ведающие кассирши.

Гостиница выстояла. Ей все нипочем.

* * *

В 1912 году на углу Рождественки и Пушечной по проекту архитектора В. А. Величина возвели роскошнейшее здание. В качестве заказчика выступила «Саламандра» – общество страхования от огня. Со стороны Рождественки расположился вход в гостиницу «Берлин». С Пушечной – в ресторан и собственно в правление страхового общества.

Его девизом было следующее: «Горю, но не сгораю». Современники, конечно, насмеялись над девизом, но гостиница действительно ни разу не пострадала от огня.

А в 1914 году гостиницу пришлось срочно переименовывать. Поскольку в Первой мировой войне Берлин был вовсе не на стороне России. Назвали понейтральнее – «Савой». Значения этого слова практически никто в Москве не знал, а значит и придраться было не к чему.

Собственно, роскошной гостиница была совсем недолго. Начались трудности военного времени, затем – революционного, и в новую эпоху гостиница вошла каким-то вшивым общежитием. Ирма Дункан (приемная дочь Айседоры) и Аллан Росс Макдугалл так описывали пребывание американской танцовщицы в ресторане этого отеля: «Голодные, как волки, они пошли в обеденный зал, надеясь на хороший обед. В центре комнаты стоял один большой стол и несколько поменьше по сторонам. За центральным столом сидело с дюжину чумазых, невымытых мужчин. Они были в шляпах и пальто и, громко глотая, хлебали из железных мисок темный, грязноватого вида суп, заедая его огромными ломтями черного хлеба. Это были «товарищи»! Айседора собралась присесть за их стол, хотя там стояли и другие столы поменьше, за которыми втроем можно было сидеть свободнее и в некотором уединении. Она приветствовала их радостно: «Хау ду ю ду, товарищи!» – даря им свою самую ласковую и простодушную улыбку.

Но товарищи продолжали есть, едва бросив в ее сторону взгляд, достаточный, чтобы представить себе этих «товарищей» персонажами Калло, – и затем вернулись к своему серьезному занятию – поглощению супа. Путешественницам пришлось в молчании ожидать, пока такого же вида алюминиевые миски с таинственным темным супом и три больших ломтя черного хлеба были выданы и им. Айседора с видом, дающим основание предположить, что она собирается пригубить прозрачный черепаховый суп на банкете у лорда-мэра, старалась попросить колдовское варево. Ирма сумела лишь донести свою ложку до миски, но поднять ее к губам уже не могла. Жанна, горничная, сидела молча и смотрелась раннехристианским мучеником».

Кончилось тем, что к ним пришел курьер и уже в номере скормил американским путешественницам термос какао с белым хлебом.

В те времена гостиница «Савой» носила гордое название – общежитие Наркоминдела. И описанные здесь «товарищи», наверное, имели самое прямое отношение к дипломатическим кругам молодой республики.

Здесь же проживал товарищ Блюмкин, член Компартии Ирана, а также останавливались знаменитые артисты – Мэри Пикфорд и Дуглас Фэрбенкс. При этом перед зданием «Савойя» постоянно пребывала огромная толпа зевак. Разумеется, ортодоксальные советские газеты возмущались этим фактом и рассуждали о том, как настоящий интерес к искусству подменяется бездумным обожанием кумиров.

Впрочем, зеваки к тем газетам не прислушивались.

Находил здесь кров и известный террорист международного масштаба Яков Блюмкин. Вытаскивал приятеля Есенина из очередной истории, когда поэт в который раз вступал в конфликт с законом.

Писал официальный документ:

«Подписка о поручительстве за гр. Есенина Сергея Александровича, обвиняемого в контрреволюции по делу гр. Кусиковых 1920 года октября месяца 25 дня, я нижеподписавшийся Блюмкин Яков Григорьевич, проживающий по адресу гостиница «Савой» №136, беру на поруки гр. Есенина и под личной ответственностью ручаюсь в том, что он от суда и следствия не скроется и явится по первому требованию следственных и судебных властей.

25/X 920 г.

Москва

Парт. билет ЦК Иранск. коммунистичес. партии».

Террорист с иранским партбилетом пользовался у властей доверием.

* * *

В тридцатые гостиница вновь стала набирать остатки старой роскоши. И, разумеется, обзаводиться новой, социалистической. Тут останавливались «прогрессивные» писатели – Ромен Роллан, Анри Барбюс, Джон Стейнбек. Правда, по сравнению с западным миром здесь было все-таки довольно аскетично. Но, к примеру, Стейнбеку, приехавшему со своим приятелем, фоторепортером Капой, достались вполне сносные апартаменты. Он так описывал свой номер: «У нас была большая комната. Позже мы узнали, что этот номер был предметом зависти для людей, которые жили в других номерах „Савойя“. Потолок – двадцать футов высотой. Стены покрашены в скорбный темно-зеленый цвет. В комнате был альков для кроватей с задерживающейся занавеской. Украшением комнаты был гарнитур, состоящий из дивана, зеркала, шкафа мореного дуба и большой картины до самого потолка. Эта картина внедрилась со временем в наши сны. Если ее вообще можно описать, то, наверное, так: в нижней и центральной части картины был нарисован акробат, лежащий на животе с согнутыми колесом ногами. Перед ним две одинаковые кошки выскальзывают у акробата из-под рук. У него на спине лежат два зеленых крокодила, и у них на головах – явно ненормальная обезьяна в царской короне и с крыльями летучей мыши. Эта обезьяна, у которой длинные мускулистые руки, через отверстия в крыльях держит за рога двух козлов с рыбьими хвостами. У этих козлов – нагрудники, которые оканчиваются рогом, протыкающим двух агрессивных рыб. Мы не поняли этой картины. Мы не поняли, ни о чем она, ни почему ее повесили в нашем гостиничном номере. Но мы стали думать о ней. И конечно же ночью нам стали сниться кошмары».

Самым же загадочным в номере Стейнбека (и, видимо, в других «савойских» номерах) была ванная комната. Дело в том, что вход в нее перегораживался собственно ванной. Поэтому желающему постоять под душем следовало сначала открыть дверь, затем протискиваться внутрь, заходить за раковину, после чего закрывать дверь и, лишь закончив эти упражнения, лезть в ванну.

Впрочем, у «савойских» ванн был еще один довольно ощутимый минус. В то время эта роскошь была в Москве большой диковинкой, и все друзья гостей столицы, проживавшие в дурновских, кривоколенных и подколокольных переулках, приходили в номера к своим гостиничным приятелям, чтобы помыться. Поначалу у приезжих скапливались целые очереди дорогих гостей с мочалками и полотенцами, а также с кипами нестиранных подштанников. Но со временем хозяева заветных ванн делались все строже и, стремясь к нормальной жизни, отказывали визитерам в банно-прачечных услугах.

Визитной же карточкой этой гостиницы был большой бурый медведь. Стейнбек так отзывался о нем: «На лестнице, на самом верху, стояло огромное чучело медведя в угрожающей позе. Но какой-то робкий посетитель оборвал когти на передних лапах, поэтому медведь

нападал без когтей. В полутьме верхнего зала от него постоянно шарахались новые клиенты „Савойя“».

Впрочем, уже в то время гостиница была не только местом для проживания богатых иностранцев, но и неким клубом элитной молодежи из самой Москвы. Она любила собираться в ресторане. И Анатолий Рыбаков описывал в «Детях Арбата» такие встречи. Там бильярдист Костя заказывал «Герцеговину Флор», а после – салат, заливное, водку, мускат и запеченный карп – на горячее. Сегодня, разумеется, такой набор можно считать вполне обыденным, а по поводу «Герцеговины» большинство, пожалуй, лишь иронично ухмыльнется: даже самые малоимущие курильщики успели пристраститься к американским сигаретам с фильтром. Однако в начале тридцатых годов все это было в диковинку. И бильярдист, заигрывая с не искушенной в ресторанном быте Варей, явно рисовался:

«Повар в белом фартуке и высоком белом колпаке принес садок, на дне в сетке трепыхалась живая рыба.

– Как называется эта рыба? – спросил Костя у Вари и предупреждающе поднес палец, чтобы никто не ответил за нее.

– Вы ведь заказывали карпа, – ответила Варя, – он и есть, по-видимому.

– Но какой карп – простой или зеркальный?

– Не знаю.

– Это карп зеркальный, – пояснил Костя, – у него спинка высокая, острая, видите, и чешуя крупная. А у обыкновенного карпа спинка широкая и чешуя мелкая. Понятно?

– Понятно. Спасибо. Теперь я могу поступать в рыбный институт.

Костя кивнул повару, и тот унес рыбу».

* * *

В 1958 году гостиницу переименовали снова. Никому не ясное, зато неуловимо буржуазное слово «Савой» опять сменилось на «Берлин» – название столицы братской социалистической державы. Обстриженный медведь, который так понравился туристу Стейнбеку, вошел в новое качество: он стал уже не символом русской природы и души, а знаком города Берлина, изображенном на его гербе.

Изменился и характер этого отеля. Советский Союз стал чуть-чуть пооткрытее, прошла эпоха впечатлительных американцев, изумляющихся всякой мелочи, наш город стал уже не странным чудом-юдом, а столицей государства – лидера так называемого социалистического лагеря.

Прошел шпанистый антураж гостиничного ресторана. Словом, «Савой», то есть «Берлин», стал добропорядочной гостиницей, относящейся к разряду «высший Б», с 22 местами первой категории, 39 местами третьей категории и 22 «люксами».

«Бюро обслуживания предоставляет следующие виды услуг: химчистку и глажение одежды, ремонт одежды, ремонт обуви, продажу билетов в театры и на концерты.

На 1-м этаже работают киоск по продаже сувениров, почтовое отделение. Для иностранных гостей – прокат легковых автомобилей с услугами водителя, услуги гида-переводчика, организация дегустации блюд в ресторанах столицы, организация турпоездов в различные города Советского Союза».

Разумеется, без соответствующей «организации» иностранцы не могли проехаться по «различным городам Советского Союза», так что эта услуга, мягко говоря, навязывалась. Зато в ресторане играл на скрипке будущая знаменитость – композитор Виктор Чайка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.